

Михайловский Виктор Михайлович

**Шаманство. Сравнительно-
этнографические Очерки**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор Михайлович М.**
Шаманство. Сравнительно-этнографические Очерки / Михайловский Виктор Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 121 с.

ISBN 978-5-519-96938-3

ISBN 978-5-519-96938-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе .

Стран.
I—II

I. Міросозерцаніе шаманистовъ.

Трудность и важность изученія религіозныхъ воззрѣній низшихъ расъ (3—4). — Необходимость объективнаго изслѣдованія шаманства, какъ обще-этнографическаго явленія (4—5). — Значеніе шаманства (5—6). — Міросозерцаніе некультурныхъ народовъ (6). — Безсмертіе души (6—9). — Представленіе о душѣ (9—12). — Связь души съ головой (12—13). — Состояніе души послѣ отрѣшенія отъ тѣла (13—15). — Смѣшеніе міра загробнаго съ міромъ живыхъ (15—16). — Вліяніе умершихъ на живыхъ и страхъ, возбуждаемый покойниками (16—18). — Загробный міръ по понятіямъ различныхъ народовъ (18—24). — Взгляды дикихъ народовъ на сонъ, обморокъ, эпилептическіе припадки (24—26). — Причины болѣзни и смерти (26—28). — Привидѣнія (28—30). — Анимизмъ (30—31). — Различныя разряды духовъ (31—37). — Связь духовъ съ различными предметами и растеніями (37—39). — Культъ животныхъ (39—46). — Поклоненіе предкамъ (46—48). — Фетишизмъ (48). — Общій характеръ міросозерцанія шаманистовъ (48—49)

1—49

II. Шаманство у Инородцевъ Сибири и Европейской Россіи.

Современное положеніе шаманства въ Россіи (53). — Названія шамановъ у различныхъ Сибирскихъ Инородцевъ (53—54). — Первые шаманы и ихъ происхожденіе (54). — Образцы камлапіи и заклинаній у Тунгусовъ (55), Якутовъ (55—56), Томскихъ Самоѣдовъ (56), Остяковъ (56—57), Чукчей и Коряковъ (57), Камчадаловъ (57—58), Гилляковъ (58), Монголовъ (58—59), Бурятъ (59—60) и Алтайцевъ (60—62). — Дѣйствія и пѣснопѣнія алтайскаго кама во время жертвоприношенія Бай-Юльгену (62—67). — Наружные знаки шаманскаго званія. — Бубенъ и колотунка (67—69). — Одежда и концы трости (69—72). — Достиженіе шаманскаго званія (73—77). — Различныя случаи обращенія къ кудесникамъ (77—78). — Дѣятельность шамановъ у Коряковъ и Гилляковъ (78—79). — Шаманы врачи у Дауръ и Маньчжуръ (79). — Лѣченіе болѣзней у Якутовъ (79—81). — Гаданія и умопосильныя заклинанія якутскихъ оюновъ (81—83). — Приемы лѣченія у Тунгусовъ и Остяковъ (83). — Врачеваніе у Киргизовъ (83—84), Телеутовъ (84) и Вогуловъ Маньзовъ (84). — Обязанности и дѣйствія монгольскихъ и бурятскихъ шамановъ (84—85). — Главныя обряды и жертвоприношенія, производимыя бурятскими кудесниками (85—88). — Организациія и классификація шаманскаго сословія (88—90). — Положеніе шамановъ среди соплеменниковъ (90—91). — Вѣра въ сверхъестественное могущество шамановъ (91—93). — Погребеніе бурятскаго шамана (93—95). — Культъ бохолдоевъ (95). — Шаманскіе фокусы (95—96). — Вѣра шамановъ въ свое призваніе (96—97). — Остатки шаманства у инородцевъ Европейской Россіи (97—98). — Самоѣдскіе тадибен (98). — Разсказъ Джонсона о камлапіи (98—99). — Заклинаніе самоѣдскаго шамана (99). — Одежда и орудія тадибеевъ (99—100). — Происхожденіе и посвященіе самоѣдскаго шамана (100). — Раз-

личные виды дѣятельности тадибеевъ (100—102).—Вѣра въ шаманскую силу и убѣжденность кудесниковъ (102).—Шаманство у Лопарей (102—103).—Камланіе нойдовъ (103—104).—Лопарскій бубень (104—105).—Пріобрѣтеніе шаманскаго званія (105—106).—Гаданіе (106—107).—Священныя животныя нойдовъ (107).—Насыланіе болѣзней (107).—Классификація нойдовъ и вѣра въ ихъ силу (107—108).—Сказаніе о Ризѣ (108—109). Вотяцкіе шаманы (109).—Дѣятельность туно (109—110).—Достиженіе званія туно (110—111).—Положеніе шамана (111).—Пелляскисъ и вединъ (111).—Вотяцкіе заговоры (112).—Остатки шаманства у Черемисъ и Чувашей (112—114), Мордвы (114—115) и Киргизовъ (115).—Общность шаманскихъ явленій у русскихъ инородцевъ (115)

50—115

I.

МІРОСОЗЕРЦАНІЕ ШАМАНИСТОВЪ.

Изъ всѣхъ отдѣловъ этнографіи самымъ труднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ важнѣйшихъ представляется тотъ, въ которомъ подвергаются научному изслѣдованію воззрѣнія народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ развитія, на явленія окружающаго міра и ихъ собственной психической жизни. Вопросы этого рода связаны тѣсно съ религіозными представленіями людей обыкновенно называемыхъ дикими, которые, какъ видно изъ показаній большинства путешественниковъ, съ большимъ стараніемъ скрываютъ отъ любопытства постороннихъ пришельцевъ все, что могло бы раскрыть внутренній смыслъ обрядовъ съ перваго взгляда странныхъ и нелѣпыхъ. Весьма часто особыя религіозныя предписанія не дозволяютъ говорить прямо о божествахъ и обо всемъ, что къ нимъ относится; такая недоувѣрчивая осторожность породила ложное представленіе о существованіи на земномъ шарѣ народовъ, совершенно лишенныхъ религіи. Но кромѣ препятствій, созданныхъ условіями быта самихъ нецивилизованныхъ народовъ, существуютъ еще болѣе серьезныя причины, долгое время устранявшія возможность правильной разработки этнографическихъ фактовъ этого порядка. Какъ собиратели этнографическихъ матеріаловъ, такъ и ученые, занимавшіеся ихъ обработкою, относились до послѣдняго времени къ своему предмету съ различными предубѣжденіями; они не обладали сознательнымъ стремленіемъ къ объективному пониманію вѣрованій и взглядовъ людей, занимающихъ по культурному своему развитію столь низкое мѣсто; они никакъ не могли проникнуть достаточно глубоко въ своеобразное и чуждое нашимъ понятіямъ міросозерцаніе этихъ дѣтей природы. Узкость взглядовъ и презрительное высокомеріе долго царили въ наукѣ и мѣшали точному выясненію сложныхъ вопросовъ, подлежащихъ ей вѣдѣнію. Достаточно вспомнить добродушные отзывы о безмысленныхъ суевѣріяхъ французскаго монаха—путешественника Андрея Теве, посѣтившаго въ XVI ст. Америку и приписывавшаго видѣнія американцевъ навожденію дьявольскому, или же характеристики другаго монаха XVIII ст. Добрицгофера, описавшаго бытъ Абиноновъ, одного южно-американскаго племени, въ которыхъ вездѣ сквозитъ сожалѣніе о заблужденіяхъ грубыхъ дикарей¹⁾. Въ томъ же XVIII ст. въ предѣлахъ Россіи нѣмецъ Гмелинъ и русскій Крапенинниковъ съ такимъ же непониманіемъ истиннаго значенія сообщаемыхъ фактовъ изображали вѣрованія разныхъ сибирскихъ инородцевъ. Даже въ XIX вѣкѣ миссіонеры, положившіе много трудовъ на распространеніе христіанскаго просвѣщенія, не были въ состояніи безпристрастно представить религіозныя міровоззрѣнія языческихъ племенъ. Стоитъ для примѣра взять книги англійскаго пастора Моффата и іезуита Шильманна, посвященные быту южно-африканскихъ народовъ, чтобы видѣть до какой степени честные и разумные наблюдатели могутъ ошибаться вслѣдствіе своей предубѣжденности. Неудивительно, что въ то время, когдаистики вполне усвоили научныя приемы и привыкли оцѣнивать поступки дѣятелей и явленія

¹⁾ *Thevet A. Les Singularitez de la France Antartique*, 168—179. *Dobrizhoffer. Historia de Abiponibus*.

жизни отдаленныхъ эпохъ, примѣняя въ этомъ случаѣ мѣрку тѣхъ временъ и, слѣдовательно, соблюдая историческую перспективу, этнографы до сихъ поръ не могли стать на должную точку и только въ послѣдніе десятилѣтія начали отрѣшиться отъ указанныхъ выше заблужденій.

Между тѣмъ этнографическій матеріалъ не ждетъ завершенія развитія здравыхъ взглядовъ въ наукѣ, количество его уменьшается съ каждымъ годомъ и притомъ онъ быстро утрачиваетъ свой непосредственный характеръ. Малокультурные народы или умираютъ совсѣмъ или же подпадаютъ вліянію цивилизаціи и безслѣдно теряютъ многія особенности своего быта важныя для науки. Скоро наступитъ моментъ, когда этнографы, лишившись живыхъ, видимыхъ источниковъ, должны будутъ, подобно историкамъ, пользоваться вещественными остатками и письменными свидѣтельствами очевидцевъ для возсозданія быта, уже несуществующаго. Въ виду этихъ обстоятельствъ научное выясненіе вопросовъ, подвергавшихся субъективному и тенденціозному толкованію можетъ повліять на собираніе новыхъ фактовъ и принести так. обр. нѣкоторую пользу въ дѣлѣ обогащенія нашихъ этнографическихъ знаній.

Къ числу подобныхъ вопросовъ принадлежитъ шаманство, занимающее видное мѣсто въ религіозной и общественной жизни нецивилизованныхъ народовъ. Благодаря эффектности обстановки и оригинальности своего проявленія, оно съ давнихъ поръ обращало на себя вниманіе и путешественниковъ и изслѣдователей. За немногими исключеніями, всѣ писатели, толковавшіе о шаманствѣ и шаманахъ, останавливались лишь на внѣшностяхъ и разсматривали вѣроученія шаманистовъ, какъ собраніе грубыхъ безсмысленныхъ бредней, порожденныхъ глубокимъ невѣжествомъ; самихъ же шамановъ они считали хитрыми обманщиками, пользующимися, ради личныхъ выгодъ, легковѣріемъ своихъ недалекихъ и простодушныхъ соплеменниковъ. Такъ напр. Гмелинъ въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, участвовавшій въ научной экспедиціи для изслѣдованія Сибири, въ своемъ изученіи не руководился стремленіемъ выяснитъ объективнымъ образомъ воззрѣнія и дѣйствія шамановъ, камлавшихъ передъ нимъ и доставлявшихъ всѣ средства для ознакомленія съ ихъ обрядами. Нѣмецкій ученый часто и подробно говоритъ о видѣнныхъ шаманскихъ танцахъ, но въ нихъ онъ усматриваетъ только желаніе обмануть и задается главнымъ образомъ обличительной цѣлью. Нѣмецкій ученый, состоявшій на русской службѣ, старается раскрыть обманы шамановъ, доказать ихъ недобросовѣстность и, слѣдовательно, является не серьезнымъ писателемъ, изучающимъ своеобразныя явленія, а лютеранскимъ пасторомъ проповѣдникомъ, рассказывающимъ объ открытыхъ имъ ухищреніяхъ при производствѣ шаманскихъ фокусовъ. Желая уничтожить языческія суевѣрія, онъ со злорадствомъ рассказываетъ о томъ, какъ сибирскіе толкователи судебъ не могли разгадать предложенныхъ имъ вопросовъ относительно забытыхъ или потерянныхъ вещей и оставленныхъ дома родственникахъ и знакомыхъ и такимъ образомъ изобличали свое невѣжество и недостатокъ проницательности²⁾. Даже въ наше время такой извѣстный монголистъ, какъ г. Позднѣвъ, касаясь шаманства, говоритъ не объ необходимости тщательнаго его изученія, а сравниваетъ инородцевъ, исповѣдующихъ буддизмъ съ шаманистами, находитъ ихъ болѣе развитыми и дѣлаетъ заключенія, что «шаманство, какъ религія, по самому своему составу, никогда не могла имѣть никакого образовательнаго значенія для народа»³⁾.

²⁾ *Gmelin, Reise durch Sibirien. I—IV. 1751—1752.*

³⁾ *Позднѣвъ А. Образцы народной литературы монгольскихъ племенъ. Вып. I. 1880, стр. 277—278.*

Для болѣе безпристрастнаго ознакомленія съ шаманствомъ и его ролью необходимо приступить къ разрѣшенію этой сложной задачи, пользуясь современными методами изслѣдованія, давшими столь блестящіе результаты въ естествознаніи и приобретающими въ послѣднее время самое широкое примѣненіе въ наукахъ общественныхъ и историческихъ. Руководясь подобными научными принципами для уразумѣнія этого этнографическаго явленія, необходимо прежде всего ознакомиться съ той почвой, на которой оно могло зародиться, съ тѣмъ религіознымъ строемъ, однимъ изъ важнѣйшихъ проявленій котораго оно служить. Но этого недостаточно; самый матеріалъ подлежитъ значительному разширенію и обогащенію. До сихъ поръ шаманство разсматривалось, какъ особая религіозная система, свойственная только русскимъ инородцамъ, и лишь изрѣдка попутно цитировались аналогичные факты изъ быта и воззрѣній другихъ народовъ, живущихъ внѣ предѣловъ нашего государства. Такой узкій взглядъ, несвойственный приемамъ сравнительнаго метода, долженъ быть оставленъ. Во первыхъ, шаманство не опредѣленная религіозная система, а особое явленіе, возникшее на извѣстной ступени религіознаго развитія и только въ послѣдствіи путемъ переживанія сохранившееся при извѣстныхъ условіяхъ и на другихъ высшихъ стадіяхъ, во вторыхъ, при такомъ отношеніи къ изучаемому вопросу дѣйствія и воззрѣнія шамановъ сдѣлаются достоинствомъ общей этнографіи и займутъ свое опредѣленное мѣсто въ исторіи человѣческой культуры. Такимъ образомъ, на основаніи вышесказаннаго, необходимо прежде всего охарактеризовать міросозерцаніе тѣхъ народовъ земного шара, среди которыхъ въ настоящее время встрѣчается или въ полномъ развитіи или въ состояніи переживанія своеобразная форма шаманства. Мы имѣемъ право говорить о шаманствѣ и шаманахъ у самыхъ отдаленныхъ народовъ, не имѣющихъ по происхожденію ничего общаго съ тѣми русскими инородцами, среди которыхъ эти термины возникли или же приобрѣли право гражданства, на основаніи примѣра многихъ нѣмецкихъ, голландскихъ, англійскихъ и американскихъ ученыхъ, которые въ своихъ этнографическихъ трудахъ употребляютъ названіе шамана какъ общій терминъ, получающій свое опредѣленное мѣсто въ этнографической наукѣ.

Всякій человѣкъ, какъ бы низко ни стоялъ онъ по своему развитію, употребляетъ всѣ усилія, чтобы какъ можно лучше устроить свою жизнь, защититься отъ окружающихъ опасностей. Этотъ принципъ самосохраненія служитъ источникомъ эгоистическихъ чувствъ, предшествующихъ въ своемъ появленіи развитію альтруизма и чувствъ общественныхъ. Средства, примѣняемые къ осуществленію жизненныхъ цѣлей, соотвѣтствуютъ степени развитія человѣка. Чѣмъ выше культура, тѣмъ больше средствъ разумныхъ, основанныхъ на знаніи природы въ его распоряженіи, тѣмъ онъ предусмотрительнѣе, сильнѣе и слѣдовательно свободнѣе отъ господства силъ природы и всякихъ случайностей жизни. Такъ называемые дикари, т.-е. мало-культурные люди, живя подъ неограниченной властью окружающихъ естественныхъ условій и слѣднаго случая, замѣняютъ знаніе законовъ міра физическаго и предусмотрительность, дающую возможность избѣгать вредныхъ случайностей, стремленіемъ списать расположеніе, умилостивить грозныя стихіи, предугадать будущее. Доставка болѣе обильныхъ средствъ пропитанія, защита отъ засухи, грома, бури, болѣзней, смерти и козней враговъ какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ составляютъ предметъ опасеній и заботъ некультурныхъ народовъ. Особые средства, употребляемые для устраненія опасностей, производимыхъ таинственными невѣдомыми силами, не могутъ быть всѣмъ доступны; ими обладаютъ среди подобныхъ наро-

довъ люди, исключительно одаренные по своей организаціи, являющіеся посредниками между своими соплеменниками и этими загадочными силами. Для обозначенія такихъ посредниковъ многіе ученые, какъ было уже выше сказано, стали употреблять названіе шамана, а дѣйствія ихъ могутъ быть наименованы шаманствомъ. Чѣмъ выше развитіе малокультурныхъ народовъ, тѣмъ опредѣленнѣе положеніе шамановъ и систематичнѣе организація самого шаманства; чѣмъ грубѣе народъ, тѣмъ случайнѣе появленіе особо одаренныхъ лицъ и тѣмъ произвольнѣе ихъ дѣятельность. Хотя шамансты различаются во многомъ по своей культурѣ и цивилизаціи, но въ ихъ міросозерцаніи есть общія черты, имѣющія самое тѣсное отношеніе къ шаманству. Только тамъ, гдѣ эти особенности существуютъ, возможно появленіе среди даннаго народа шамановъ и слѣдовательно, не взирая на значительныя различія, представляется возможность выдѣлить то, что свойственно шаманству и сдѣлать такимъ образомъ сводъ основныхъ воззрѣній, характеризующихъ міросозерцаніе шаманистовъ.

Природа, человѣкъ и божество составляютъ предметъ размышленій пытливыхъ умовъ на всѣхъ ступеняхъ развитія человѣческой культуры. Отъ дѣтскихъ мечтаній дикаря до строго научныхъ теорій современныхъ изслѣдователей и мыслителей человѣчество прошло длинный путь и побороло громадныя затрудненія. Но, не смотря на различные способы разрѣшенія, вопросы, надъ которыми трудится мысль человѣка, остаются неизмѣнно одни и тѣ же, только порядокъ въ ихъ разсмотрѣніи подвергся нѣкоторому перемѣщенію. Люди низшей культуры брали за точку отправленія человѣка съ его психическими и физическими признаками и все у него замѣченное переносили какъ въ область природы, такъ и въ сферу дѣятельности боговъ. Явленія и силы природы и сами боги надѣлялись человѣческими свойствами, хотя вначалѣ не получали еще человѣческаго образа. Народы высшей культуры стремятся къ обратному порядку дѣйствія; они имѣютъ наклонность пользоваться для выясненія духовной природы человѣка и его дѣятельности тѣми законами, которые намъ даетъ естествознаніе. Разумѣется, между этими двумя противоположными состояніями человѣческой мысли существуетъ длинный рядъ переходныхъ стадій развитія. Сообразно съ такимъ распределеніемъ при разсмотрѣніи основныхъ сторонъ міросозерцанія необходимо прежде всего ознакомиться съ представленіями, которыми обладаетъ мало культурный человѣкъ относительно своей собственной духовной жизни.

Подобно тому, какъ нѣтъ народовъ, не умѣющихъ добывать огня, пользоваться какими либо простѣйшими орудіями, такъ и во всей богатой этнографической литературѣ мы не найдемъ ни одного племени, не имѣющаго въ большей или меньшей степени яснаго представленія о душѣ и ея безсмертіи. Самый фактъ повсемѣстнаго существованія похоронъ съ извѣстной обстановкой и со строго опредѣленными обрядами служитъ очевиднымъ доказательствомъ распространенности этого убѣжденія. По толкованію Тернера туземцы архипелага Самоа въ самомъ названіи души *анганга* выражаютъ вѣрованіе, что она, отрѣшившись отъ тѣла, уходитъ; слѣдовательно, они признаютъ душу, какъ нѣчто отдѣльное отъ тѣла. Удалившись, она живетъ, по ихъ представленіямъ, въ особой странѣ, лежащей подъ океаномъ ⁴⁾. У Австралійцевъ всякій туземецъ, достигшій четырехъ или пятилѣтняго возраста обладаетъ духомъ, который при его жизни находится въ состояніи сна, а послѣ смерти дикаря становится видимымъ, хотя и не имѣетъ опредѣленной формы ⁵⁾.

⁴⁾ Turner. Samoa a hundred years ago. 1884. стр. 16.

⁵⁾ Dawson. Australian Aborigines. Melbourne. 1881. стр. 50.

Здѣсь мы не встрѣчаемъ уже такого яснаго сознанія души, какъ особаго элемента, входящаго въ составъ живого человѣка. Жители одного изъ острововъ архипелага Бисмарка признаютъ безсмертіе души, отправляющейся послѣ кончины человѣка на одинъ близълежащій островъ ⁶⁾. Мавданы въ Сѣверной Америкѣ вполне опредѣленно высказываютъ ученіе о вѣчномъ существованіи души ⁷⁾. То же вѣрованіе встрѣчаемъ мы и у ихъ соплеменниковъ Чоктавовъ. Одинъ изъ ихъ представителей заявилъ положительно: „весь нашъ народъ вѣритъ, что духъ обладаетъ будущей жизнью“ ⁸⁾. У Гезовъ, одного изъ южноамериканскихъ племенъ, это убѣжденіе въ загробной жизни души выразилось въ весьма наглядной формѣ. Черезъ годъ послѣ погребенія покойника на его могилу приходятъ всѣ близкіе, вырываютъ останки и рассказываютъ умершему обо всемъ, что за это время случилось въ ихъ деревнѣ и въ его семьѣ ⁹⁾. Во время Вотяцкихъ похоронъ и поминковъ къ мертвецу обращаются со словами и убѣжденіями, какъ къ живому, имѣя, разумѣется, въ виду душу, а не тѣло ¹⁰⁾. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда изслѣдователи склонны заподозривать существованіе этого вѣрованія, они не могутъ, однако, вполне его отвергнуть. Напр., Фричъ говоритъ о Басуто—южно африканскомъ народѣ, что они своимъ представленіемъ о безсмертіи души не дали опредѣленной послѣдовательно выработанной формы, но, слѣдовательно, и тутъ существуетъ хотя и смутное сознаніе, что въ человѣкѣ имѣется особое начало, отличное отъ тѣла ¹¹⁾. Самыми малоразвитыми въ этомъ отношеніи являются Самоѣды. Они обладаютъ какимъ то смутнымъ представленіемъ, что со смертію человѣка все кончается. Правда, душа нѣкоторое время продолжаетъ жить въ могилѣ и потому подлѣ покойника устраниваютъ очагъ, кладутъ съ нимъ ножъ, топоръ, копье, деньги, другія необходимыя вещи и убиваютъ оленей, повторяя это жертвоприношеніе по нѣскольку разъ, но когда трупъ истлѣетъ, то все существованіе, даже загробное, прекращается. Только одни шаманы тадибен имѣютъ привилегію получать полное безсмертіе. Изъ разсказа Кастрена можно заключить что тадибен, желая возвеличить свою власть, затемнили первоначальное вѣрованіе въ общее безсмертіе ¹²⁾. Еще болѣе проглядываетъ вѣра въ загробную жизнь души въ описаніи погребальныхъ обрядовъ у самыхъ разнообразныхъ народовъ. Эскимосы кладутъ подлѣ могилы какъ покойнаго, его стрѣлы и различныя орудія, которыя тотъ употреблялъ при жизни, а съ женщинами хоронятъ ихъ ножи и иголки ¹³⁾. Камчадалы бросаютъ мертвеца собакамъ на съѣденіе въ томъ убѣжденіи, что человѣкъ, котораго съѣдятъ собаки, на другомъ свѣтѣ будетъ ѣздить на добрыхъ собакахъ ¹⁴⁾. Сосѣди ихъ Коряки сожигаютъ тѣла съ извѣстными обрядами. Нарядивъ покойника въ лучшее платье, отвозятъ его на мѣсто сожженія на тѣхъ оленяхъ, которые особенно были любимы умершему. На костеръ кладутъ конья, сайдаки, стрѣлы, ножи, топоры, котлы и проч. Пока костеръ горитъ, они колютъ оленей, на которыхъ привезли мертвеца, съѣдаютъ ихъ, а остатки бросаютъ въ огонь ¹⁵⁾.

⁶⁾ *Pfeil Graf.* Land und Volk im Bismarck-Archipel. Verhandl. der Gesel. für Erdkunde zu Berlin. B. XVII, 152.

⁷⁾ *Catlin.* Manners, customs and condition of the North American Indians. I. 156.

⁸⁾ *Catlin.* II, 127.

⁹⁾ *Martius.* Beitr. zur Ethnogr. u. Sprachenkunde Amerika's. I, 291.

¹⁰⁾ *Смурновъ.* Вотяки. Казань, 1890. стр. 181 и 183.

¹¹⁾ *Frösch.* Die Eingeborenen Süd-Afrika's, 198—199.

¹²⁾ *Castren.* Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844. стр. 264.

¹³⁾ *Cranz.* Historie von Grönland. 1770. B. I. 301.

¹⁴⁾ *Крашенинниковъ.* Описаніе земли Камчатки. 1755. т. II, 136.

¹⁵⁾ *Крашенинниковъ.* II, 166.

Тутъ же въ Сибири около Байкала у Бурятъ въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ одежду и другія житейскія принадлежности, приводятъ любимаго коня и убиваютъ его или пускаютъ въ стѣнь, чтобы умершій могъ ѣздить на немъ ¹⁶⁾. Конь этотъ еще при жизни бурята посвящается шаманомъ съ особыми обрядами; на немъ не ѣздятъ и его берегутъ на случай смерти господина ¹⁷⁾. Тунгусы зашиваютъ трупъ въ оленью шкуру и вѣшаютъ на дерево съ любимымъ оружіемъ умершаго и котломъ, дно котораго пробивается ¹⁸⁾. Ихъ сосѣди Якуты въ прежнее время имѣли обыкновеніе въ случаѣ смерти знатнаго человѣка хоронить съ нимъ верховаго коня со всей сбруей, другого коня, навьюченнаго съѣстными припасами и дорогими мѣхами, и затѣмъ заживо погребали человѣка, который долженъ былъ прислуживать покойному на томъ свѣтѣ. Теперь они ограничиваются принесеніемъ въ жертву его любимаго верховаго коня ¹⁹⁾. Улаганскіе Теленгиты въ Алтайскихъ горахъ одѣваютъ тѣло мертвеца и кладутъ въ юртѣ около огня; тутъ же кладется табакъ и въ небольшую ямку, выкопанную въ землѣ, вливается чашка араки и ставится ѣда. Въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ зарываютъ котелъ, чашку, трубку, табакъ, войлоки, сѣдло и даже веревки, а близъ могилы родственники убиваютъ самымъ мучительнымъ образомъ его верховую лошадь ²⁰⁾. Переходя въ Европейскую Россію, мы встрѣчаемъ у Вотяковъ тотъ же самый обычай. Они кладутъ въ гробъ вмѣстѣ съ умершимъ многія его вещи: инструментъ для плетенія лантей, ножъ, ложку, шину, табакъ, мешечекъ съ деньгами, а у дѣтей игрушки ²¹⁾. Мать умершаго ребенка въ церкви при отпѣваніи выжимаетъ ему въ ротъ три раза понемногу молока изъ груди ²²⁾. Чувашши Златоустовскаго уѣзда Уфимской губерніи опускаютъ покойника въ могилу, въ которой поставлено четыре доски вмѣсто гроба; на одной изъ нихъ прорѣзано окошечко; на днѣ постланъ войлокъ и положена въ изголовьи подушка. Въ этотъ гробъ умершаго кладутъ на бокъ и туда же бросаютъ нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, вещей и денегъ. упомянутыя вещи кладутся Чуваши для того, чтобы умершій, являсь въ другую жизнь, могъ представить ихъ въ доказательство, что онъ былъ человѣкъ трудолюбивый и жилъ на землѣ хорошо и, слѣдовательно, достоинъ получить и тамъ хорошее мѣсто ²³⁾. Въ Сѣверной Америкѣ у Тетоновъ Сіу все имущество умершаго хоронится съ нимъ. Его одѣваютъ въ лучшія одежды, а любимую лошадь, осѣдлавъ и украсивъ, убиваютъ близъ тѣхъ высокихъ подмостковъ, на которыхъ поконится тѣло. Часть хвоста они кладутъ у головы умершаго, думая, что духъ его будетъ ѣздить на своемъ любимомъ конѣ ²⁴⁾. Въ тропической южной Америкѣ дикіе Манаосы зарываютъ въ могилу вмѣстѣ съ трупомъ одежды, украшенія и изломанное оружіе ²⁵⁾. На островахъ Новой Зеландіи воинственные Маори, погребая вождя или храбраго воина, кладутъ съ нимъ все его оружіе ²⁶⁾.

16) *Шанковъ*. Шаманство въ Сибири. Записки Импер. Рус. Г. О. 1864. кн. II, 58.

17) *Gmelin*. III, 33.

18) *Шанковъ*. 58.

19) *Прилуковъ*. Шаманство у якутовъ Якутскаго округа. Извѣстія В. С. О. Имп. Г. О. т. XV, 65.

20) *Адриановъ*. Путешествіе на Алтай и за Саяны. Записки Имп. Р. Г. О. т. XI, 333—334.

21) *Buch Max*. Die Wotjaken. 143.

22) *Buch*. 145.

23) *Меньшовъ*. Этнографическій очеркъ быта и обычаевъ Чувашъ Уфимской губерніи, Златоустовскаго уѣзда. Записки Оренб. Отд. Имп. Р. Г. О. Вып. III, 243.

24) *Dorsey*. Teton Folk-Lore. American Anthropologist. Vol II 144.

25) *Martius*. I, 590.

26) *Kerly-Nicholls*. The Origin, Physical Characteristics, and Manners and Customs of the Maori Race. Journal of Anthropological Institute. Vol. XV, 200.